

18+

АЛИН
ПАК



ПОД ДИКТОВКУ

ТЬМЫ



Алин Пак

Под диктовку тьмы

«Издательские решения»

Пак А.

Под диктовку тьмы / А. Пак — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Нуар
в антураже ревуших двадцатых. Писатель-неудачник готов на любое безумие
ради славы, превращая свой худший сюжет в реальность. Но всё ли так
просто, или его цинизм — отвлечение внимания от чужого заговора? Это
предстоит выяснить телефонистке и детективу. Время на исходе, правила игры
меняются с каждым часом, а город уже вынес каждому свой приговор...

© Пак А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Долг	6
Глава 2: Линия крови и линия связи	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Под диктовку тьмы

Алин Пак

© Алин Пак, 2026

ISBN 978-5-0071-2986-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Долг

Зачем город погружается в ночь каждый день? Конечно, чтобы заняться страстной любовью с табачным дымом, саксофоном и кинематографом — в дворцах и дешевых кинотеатрах, где за горсть монет можно было хотя бы на пару часов забыть своё имя.

Именно так встретили ночь на 27 октября 1927 года детектив Фрэнк и его подружка-телефонистка Эвелин.

Сначала они отправились в кино — девушка мечтала об этом с тех пор, как увидела на афишной тумбе рекламу с любимой актрисой. «„В объятиях роковой ошибки“ В кинотеатрах с 20 октября!».

В зал зашла сначала она, заняв место на самом последнем ряду. А он присоединился, когда уже погасили свет. Был у них один общий секрет — они же сами друг у друга. А, как известно с давних времён, нет близости интимнее, чем разделение секретов.

Эвелин работала на центральной телефонной станции. За хорошую оплату она смирилась с длинным списком правил. Вот парочка из них: не выходить замуж, не ставить под угрозу конфиденциальность клиентов. А отношения с детективом возможно нарушили бы первое правило, и точно нарушали второе.

Да и Фрэнк, не скрывая отношения, сильно подставил бы Эвелин. Никому не было дела, чем они занимаются и как часто встречаются, но все коллеги и враги тут же заклеили бы её информатором.

Он огляделся по сторонам и взял её за руку:

— Как прошёл день?

— Тссс, — она легонько толкнула его в плечо. — Давай смотреть уже!

Мужчине же больше нравилось не смотреть фильмы, а наблюдать, как его дама смотрит фильмы. Он восхищался её эмоциями. Или всему виной работа в полиции, или абсолютная влюблённость, но Фрэнк подмечал все мелочи — как быстро и нежно краснеют её щеки, как свет экрана впадает в ямочки у губ. Спросите его, сколько у Эвелин ресничек на каждом глазу, и он даст ответ.

После, чтобы обсудить просмотренное, молодые люди отправились в подпольный бар пропустить по стаканчику.

Выходя из кинотеатра, Эвелин натянула на голову фетровую шляпку клош, спрятав глаза под тёмно-багровый козырёк.

Октябрь выдавался сырым и безнадёжным. Город тонул в жёлтом смоге. И даже мелкий дождь, который то ослабевал, то набирал силы, уже четвёртые сутки не мог побороть густую пелену. Всё, чем он занимался — так это задумчиво качал неоновый свет от вывесок ресторанов, театров и отелей в отражениях лужиц.

В такую погоду город выглядел ещё загадочнее. Окна зашторены плотными занавесами и почти за каждой дверью прячутся тёмные, грязные тайны. Конечно, делают они это не только в октябре и не только во время дождя. Но, промокшему до ниточки, замёрзшему человеку, то и дело мечтающему о тепле и сухости за дверьми больших зданий, легче нарваться на проблемы. Дождь заставляет нас идти туда, куда мы никогда не думали, что пойдём.

Владельцем заведения, о котором простые граждане не могли сказать ни слова, а стражи порядка зачитать серьёзный, и уж очень длинный, монолог, был другом Фрэнка.

В душном помещении этакий туман — густой дым сигар — прогуливался от столиков и барной стойки до сцены. Громкий смех сливался с весёлым дуэтом банджо и пианино.

Руки у Фрэнка сами по себе были сухими и грубыми, но, когда он касался Эвелин — они тут же смягчались и начинали потеть. Иногда он сам не понимал, как может касаться её и при этом не превращаться в лужицу или пар.

Эвелин же считала, что руки Фрэнка всегда были тёплыми и потными.

— А мы успеем потанцевать? Я вчера купила туфли в новом универмаге и хочу побыстрее их разносить! Они ужасно натёрли мне пятки.

— Конечно, успеем, дорогая! Обязательно потанцуем.

Начали они с барной стойки. Пара поздоровалась с владельцем-барменом.

— Как поживаешь, Артур?

— Отлично! А вы, ребята? Где сегодня были?

— В кино! — радостно воскликнула девушка.

Фрэнк улыбнулся и поцеловал её в щёку.

— Это прекрасно. Хочу послушать о фильме, но прежде, скажите, чего желаете выпить?

— Бурбон? — спросил у Эвелин Фрэнк. Девушка кивнула. — Бурбон, Артур.

Артур улыбнулся и полез под стойку. Хороший, настоящий бурбон отливался только знакомым и только по праздникам. Именно праздниками и были все свидания не в квартире Фрэнка.

Эвелин старалась приезжать к нему как можно чаще. И её радовала каждая минута, проведённая вместе, кроме последней. Докуривая сигарету и натягивая на себя панталоны, она говорила уже заученную фразу: «Как же я устала сидеть здесь, выйти бы с тобой хоть куда-то».

А когда они наконец-то выбирались в свет, то скорее спешили вновь оказаться наедине в родных четырёх стенах.

Фрэнк познакомился с Эвелин три года тому назад, когда занимал должность пониже. Он пришёл на центральную телефонную станцию по приказу сержанта, чтобы допросить телефонисток по одному щепетильному делу.

Именно Эвелин в тот вечер приняла звонок и невольно стала свидетелем преступления.

А позже, как шутил сам мужчина, она и сама стала преступницей — похитительницей сердец.

— Тебе завтра работать целый день, Фрэнк, — она взглянула на часы. — Пойдём к тебе?

— Чашка кофе ранним утром в твоей компании заменит сон. Я должен тебе танец!

Они смеялись и, то крепко прижимались друг к другу, то отходили в разных концы танцевальной зоны. Она жила в танцах — каждое её движение было отточено до идеала. А для него танцы — персональное кино. Только в движении под музыку он мог ощутить, как действительно бурлит, искрится жизнь и забыть, кто он, где находится. На несколько минут он переставал ощущать груз воспоминаний и работы. А, может, и не груз вовсе, а долг перед памятью и общественностью.

Как они вышли на танец, музыка начала ускоряться, становиться всё безумней и веселее. Но, как и у жизни, да и любого произведения, есть конец.

Почувствовав, что играют последние аккорды, Эвелин подбежала к Фрэнку и прыгнула ему в объятия. Он кружил её до последней ноты.

— Разносились туфли? — он опустил девушку и провёл по своей голове рукой, дабы подправить взъерошенные волосы.

— Думаю, да, — не отводя от него глаз, она аккуратно поправила прилипшее к коже шелковое платье.

Но ночь, в отличие от разговоров, не заканчивалась. Оказавшись в квартире Фрэнка уже сотый раз, Эвелин медленно раздевалась. Было ощущение, что она проводит Фрэнку инструктаж по освобождению плавающего тела из тугих красивых тряпок.

Начинался их джаз и заканчивался поцелуем Эвелин в большой шрам на плече Фрэнка.

Она сделала это ещё в первую их ночь, отчего мужчину окатила неприятная, холодная дрожь.

— Прости. Я не хотела напоминать тебе о том, что ты пережил.

Он не помнил, как получил шрам, и был этому только рад. В его памяти и без того хватало тяжёлых воспоминаний — общих для него и других ветеранов.

— Ничего, — он погладил её по волосам. — То, что было — то было. И только нежность может излечить боль.

С тех самых пор Эвелин «ухаживала» за его израненным телом и надеялась, что, когда-нибудь, его израненную душу перестанут мучить кошмары.

— Чертовски люблю видеть тебя уставшим и счастливым, — она снова поцеловала темный, глубокий шрам, а после погладила его.

— Именно ты меня таким и делаешь, Эви, — он задержал её руку на своём плече.

Она легла и прижалась к его спине.

— Жаль мы не можем съехаться, Фрэнк.

— Капитан сожрёт мой значок, — его смех перешёл в легкий кашель. Пришлось приподниматься с кровати. — А тебя уволят.

Девушка тоже привстала. Длинная, тонкая ручка потянулась к пачке сигарет в простынях.

— Вот бы твой капитан подавился значком, а моя надсмотрщица телефонной трубкой.

Он взглянул на неё вновь. И каждый его взгляд ощущался первым. Будто бы он ранее никогда не видел нежные, бледные черты её лица.

— Жизнь стала бы однозначно легче.

Вот только планы у, этой самой, жизни были совсем другими...

Проснулись Фрэнк и Эвелин в тёплых объятиях друг друга. Ему потребовалось два таких утра, чтобы запомнить запах её кожи, а ей — три, чтобы запомнить его. От Эвелин пахло сладким парфюмом, шампунем и пудрой. А от Фрэнка табаком, хлопком и... чем-то непонятным, но приятным.

Некоторые запахи въедаются в память лучше слов, а то и действий. Наверное, именно они и станут единственным напоминанием о том, каким был мир до утра 27 октября.

— Как же не хочется вставать, — пробубнил он.

— Заварю нам кофе.

Эвелин короткими, прыгающими движениями направилась на кухню. В каждом еле слышном столкновении голой стопы с тёмным деревом были отголоски вчерашнего чарльстона и неподдельного счастья.

Она знала кухню Фрэнка даже лучше, чем свою. Она достала из нижнего шкафчика у просторного окна перколятор, полный мешочек кофейных зёрен и кофемолку.

Всыпав ароматное кофе в воронку небольшой металлической коробочки, девушка закрыла крышку, прижала кофемолку одной рукой к столу, а второй принялась со скрипом и хрустом крутить ручку.

За это время она успела напеть припев любимой песни.

Когда перколятор уже оказался на плите и начал издавать знакомые смешные звуки «плёп-плёп-плёп», Эвелин заглянула в холодильник.

Достав сливки и определив их срок годности обонянием, она вернулась в спальню. Фрэнк всё лежал и смотрел в окно.

Над городом стремительно собирались тучи. Явно хотели обсудить какие-то важные дела и поскандальить, облив каждую живую душу литром воды. И на практике, такое привлекает ещё и молнию, желающую поиграть в жмурки.

— Сколько сахара, сколько сливок?

— Эви-и, — протянул он с довольной улыбкой. — Ты же всё это знаешь.

— Да, — девушка-хищница загадочно, украдкой подошла к кровати. Она провела своим указательным пальцем по краю его уха. — Просто, грех не найти повод, чтобы заговорить с тобой.

Но Фрэнк тоже был хищником. Он неожиданно быстро приподнялся, вцепился в талию Эвелин и упал с ней на кровать.

Сначала девушка закричала, а потом начала смеяться.

Ох, и казалось, было суждено, чтобы её смех сменился звуками поцелуев. Но перколятор не отказался от своего звёздного часа и завизжал.

— Кофе! — вскрикнула она, вскочила и уже не с лёгкостью, а в панике побежала на кухню.

Пока Фрэнк восхищался энергичностью Эвелин, вернёмся в светлый июньский день...

У Эвелин выходной. Она вскочила со скрипучей кровати и побежала в маленькую-уютную гостиную выбирать музыкальную пластинку. Настроение было задорным, прям как «Ain't She Sweet». Уже в следующее мгновение игла аппарата зашуршала, и вся квартира погрузилась в мажорное звучание.

Девушка отправилась на кухню.

Лето не радовало её по одной причине — сменой льда в ледяном ящике каждый чёртов день. Открыв дверцу «комода», Эвелин бросила сердитый взгляд на поддон под ним — благо, талая вода ещё не начала переливаться через край. Она достала одно куриное яйцо и брусок сливочного масла в пергаменте. Мечта купить холодильник с каждым днём становилась всё ближе по необходимости, и дальше по деньгам.

Отрезала два ломтика белого хлеба. Чиркнула спичкой, и конфорка газовой плиты вспыхнула синим пламенем. Эвелин опустила на газ специальный тостер — жестяную пирамидку с дырочками. Через пару минут, покачивая бёдрами в такт весёлому джазу, она щедро смазала чуть подгоревший тост маслом, а затем разбила яйцо над раскалённой чугунной сковородкой.

Песня закончилась до того, как Эвелин успела снять яичницу на тарелку. Да и всё бы ничего, но одновременно с этим раздался стук в дверь и звонок телефона.

Она еле слышно зарычала, направляясь к двери.

— Кто там? — грубо кинула она, уже зная ответ. Конечно, не доставщик льда!

— Это я, — жалобный мужской голос за дверью прозвучал смутно и пьяно.

Как-то, чёрт побери как, Маркус — брат Эвелин, всегда чувствовал зарплату сестры.

Она чуть приоткрыла дверь.

Не открывала бы её вовсе. Просто не так их воспитали родители.

— Чего тебе?

— У тебя так вкусно пахнет. Ты готовишь завтрак?

— Да.

— Я тоже проголодался. А денег на хлеб нет. Дашь в долг?

— Маркус, у меня нет денег. Я могу угостить тебя хлебом.

— Да нет, не буду я обглаживать свою сестру. Просто дай монеток на хлеб.

— Ты же пропьешь их.

— Кто сказал?

— Я, Маркус. Тебе дать хлеб?

— Нет. Не нужны мне твои подачки. Обойдусь.

Он развернулся и начал стремительно идти по лестнице вниз.

— К тебе зайти сегодня? — крикнула вслед.

— Нет! — эхо ударялось по ступенькам, стенам, чтобы нанести удар по голове девушки.

Эвелин со стуком захлопнула дверь.

Телефон всё это время требовательно дребезжал. Почему-то девушке этот звук уже напоминал пожарную сигнализацию. Может, из-за резкого запаха на кухне? Да, наверное, из-за него.

— Яичница! — в панике вскрикнула она.

Она побежала на кухню, схватила со стола полотенчик и, словно передавая ему эстафету, кинула тряпку на раскалённую ручку сковороды. Масло превратилось в едкую гарь, а яйцо намертво обнялось с дном тёмной, круглой луны. Кашляя и слезясь от дыма, Эвелин отшвырнула сковороду с её новой пассией на холодную конфорку и бросилась обратно в гостиную, где всё ещё надрывался телефон.

Взявшись за тонкую металлическую стойку аппарата, она прижала к уху телефонный рожок и, пытаясь сохранять спокойствие, дружелюбно сказала:

— Слушаю.

— Эвелин! Это Клара. Не разбудила тебя?

— Конечно, нет! — на самом деле она хотела ответить: «Да от твоей настойчивости даже мертвец оживёт. Так ещё и под новым именем».

Клара была коллегой Эвелин.

— Ты ведь пойдёшь на вечеринку Эллы? Может, выпьем кофе и пойдём в универмаг за новыми платьями?

— Я бы с удовольствием, но коплю на новые туфли. Они мне важнее всяких платьев, знаешь же. Может, лучше посмотрим на рынке?

— Договорились! Я обмажу пальчик машинным маслом отца, за брак отдадут дешевле.

Эвелин хихикнула, только от представления, как Клара будет с невинным лицом доказывать торговцу, что это жуткое пятно уже было на шелке.

— Только там не улыбайся и уж точно не смейся!

— Ты несправима.

Маркус тем временем быстро шагал по улице. Он забыл надеть шляпу и, в угоду своему «тёпленькому» состоянию, не мог понять, почему солнце не даёт прохода, греет макушку и ослепляет глаза.

Он жил в нескольких кварталах от Эвелин, в квартире их почивших родителей. Девушка, видя не просыхающего брата, решила рискнуть. За свой покой и умиротворение она в месяц платила ровно недельную зарплату. Такие расходы ощущались, но, в отличие от покупки одежды, поездок на трамвае и даже еды, спокойный сон без криков брата в третьем часу ночи был бесценным!

Маркус был писателем. Или, хотел быть. Иногда он употреблял и первую, и вторую форму предложений, в зависимости от своего состояния.

Все издательства в городе уже прознали молодого человека, как настырного, непонятливого и гордого автора, который свой талант реализовывал исключительно в том, что хлестал редакторов бранными словечками.

И пусть каждый отказ вонзался в сердце острым лезвием, убить его мечту этим бумаго-марателям было не под силу.

У него была возможность пойти в пальповые журналы, где каждое слово стоило копейку. Хоть бы смог наскрести на жизнь. Но, и тут гордость щекотала всё тело. Он считал, что создан для высоких, мировых работ, а не каких-то второсортных детективов и ужасов.

Маркус доковылял до пекарни-кофейни напротив своего жилища. Запах внутри стоял бодрящий и убаюкивающий — вот и очередная порция кофе варилась, и горячий хлеб с булочками манили за собой, нет, не голодных, а скорее ненасытных.

Посетителей внутри было всего трое. Каждый сидел за отдельным столиком и попивал кофе, пытаясь отсрочить начало рабочего дня.

— Доброе утро, Дэ-э-вид, — протягивая имя владельца, он расставил руки в стороны, будто встречал старого друга.

«Старый друг» недовольно сжал губы и напруг лицо, что появились очертания глубоких морщин и заломов.

— Чего тебе, Маркус? Без денег ничего не дам.

— Но я голодный. Мне нечего есть. Издательство опять отказало.

— И денег нет, получается?

— Дэйв, мне всего лишь хлеб. Хоть вчерашний. Хоть полусырой.

— Ни того, ни другого нет. Ищи в помоях.

— Ну не поступай ты так со мной, пожалуйста. Сейчас я был у сестры. Отдал ей последние накопления. Сам же понимаешь, незамужней девушке тяжело с финансами.

— Кому ты тут затираешь? — усмехнулся он. — Иди проси у тех, кто угощает тебя выпивкой.

Они и не заметили, как к ним подошёл высокий, худой мужчина в тёмном костюме.

— Извините, — встрял он. Злые взгляды Маркуса и Дэвида тут же устремились поймать жертву и спросить «чего тебе надо?»

Маркус узнал этого чертя. Ухоженный, приятный мужчина в выглаженной одежде уже год каждое утро заявлялся на кофе и мозолил глаза Маркуса, когда тот выглядывал в окно.

— Вам ещё кофе? — прогоняя спросил владелец.

— Нет, благодарю. Признаться, я уже опаздываю на работу. Извините, я случайно услышал Ваш спор. И, — он посмотрел на Маркуса: — Вы не будете против, если я куплю Вам хлеба?

Маркус улыбнулся.

— Спасибо большое, добрый человек.

Уже выходя из заведения, Маркус вновь поблагодарил незнакомца.

— Вы — ангел. Я посвящу Вам повесть.

— Ну что Вы! — он рассмеялся и постучал по плечу собеседника. — Вы — писатель? Это очень интересно.

— Да. Пока правда недооценённый.

— Меня зовут Уолтер. А Вас? Я здесь пью кофе каждое утро, потом неспешно иду на работу. Занесёте мне как-нибудь одно из Ваших произведений? Мне, как ценителю литературы, осточертели однотипные книги во всех лавках и магазинах.

— Я — Маркус. Приятно познакомиться, и, обязательно!

— Приятно!

Уолтер замялся, будто бы пытался что-то вспомнить. Потом его тонкие костлявые пальцы скользнули в карман брюк за портмоне. Он вытащил хрустящую купюру.

Было что-то во фразе «и глаза его полезли на лоб». Маркус никогда бы не использовал эту идиому в своих шедеврах. А я — использую.

Глаза Маркуса аж на лоб полезли! Настолько купюра была большой. Пятьдесят буханок хлеба или же четыре литра самогона!

— Возьмите, — протянул деньги Уолтер. — Прошу прощения, если смущаю Вас. У меня у самого младшая сестра — совсем маленькая девочка. Мама умерла при родах, а отец куда-то пропал. Поэтому, я прекрасно понимаю каким сильным и опасным может быть беспокойство о любимых. Первые несколько месяцев я утопал в море спирта, лишь бы стало чуть спокойнее. Надеюсь, Вы тоже сможете найти другой способ облегчения.

Зубы Уолтера на секунду сверкнули из-за томной улыбки.

— Спасибо. Я даже не знаю, что сказать. Вы нисколько меня не смущаете, Уолтер. Лишь вдохновляете и заставляете верить в самое хорошее.

— Прошу, не льстите! Мне пора. Хорошего Вам дня, Маркус! И много вдохновения!

Маркус шёл домой, крепко прижимая буханку хлеба к груди, прям как прижимал бы рукопись, прими её в печать.

Незнакомец не только накормил его — он признал его писателем. Он высказал негодование реальностью книжного рынка! И подкрепил тем самым самолюбие, ложь, притворяющуюся правдой.

Уже к обеду деньги Уолтера закончились. Маркус пропил их, как воду и был очень недоволен. Нет, не своим расточительством, а несправедливостью.

Почему его книги не принимает ни одно издательство?

Он бы заработал состояние!

Он бы кутил в самых высших кругах!

Он бы стал востребованным и одним из самых уважаемых людей на белом свете!

Бы, бы, бы-ы. Чего блять как овца? Тем более, в современном 1927, когда можно просто пойти и взять в банке кредит?

Вернёмся в октябрь побыстрее. Фрэнк всё же опаздывает на работу. Правда, это больше беспокоит меня, чем его самого.

После кофе они всё же вернулись в постель. А грязный перколятор остался ждать должного к нему внимания в раковине. Его тоже можно было понять. Вспоминают только по утрам, потом лениятся чистить. А хотелось бы, чтобы любви и уважения было от Фрэнка столько же, сколько он уделяет Эвелин.

Их джаз закончился в момент первого грохота грозы. Девушка вновь поцеловала его шрам и скатилась, как ручей, дальше подушек, спрятав тело под одеяло.

— Ты опаздываешь, да?

— Я думаю как-то да оправдаюсь. Скажу, что отравился вчера. Или что-то такое.

Вид у Фрэнка всегда был немного больным из-за бледного, безжизненного оттенка лица и тёмных кругов под глазами.

— Капитан разве примет такую отговорку? Вы же все там детективы, чуете ложь.

— Ты слишком сильно в нас веришь. Да и не хочу думать о том, о чем можно не думать вовсе, Эви. Мои мысли в этой постели всегда одни и те же. Они о том, как эта квартира теряет весь шарм с твоим уходом.

И они оба поникли.

— Эви, вот бы нам перестать скрываться, переехать куда-то к морю и жить обычной жизнью. Ты хочешь этого?

Эвелин натянула одеяло до подбородка и устремила взгляд на серый потолок.

Она представляла, что жизнь у моря такая же красочная и волшебная, как дешёвые открытки с курортов. Пальмы, белый песок, жаркое солнце, прохладная вода, завораживающие закаты.

— Хочу, конечно же. Но эта мечта кажется несбыточной, Фрэнк. Сколько ещё людей в округе мечтают о домике на берегу? И сколько из них действительно становятся хоть на шаг ближе к ней? Молюсь, чтобы все эти мечтатели отстроили кучу одноэтажных домиков и оставили этот город исключительно — не шучу — исключительно нам.

Фрэнк хрипло засмеялся и перевернулся на бок, подперев голову ладонью.

— Исключительно нам?

Он потянулся к ней и мягко коснулся губами её холодный кончик носа.

За окном снова гроыхнуло — видимо прям над крышей дома, потому что звук был ужасным, влюблённые аж вздрогнули.

— Но пока эти бедолаги не собрали чемоданы, разгребать их дерьмо придётся мне, — он нехотя откинул одеяло.

Прохладный ветерок пробежался по спине мужчины, заставляя его поёжиться. Ссутулив спину, он сел на край кровати и потянулся к стулу, где со вчерашней ночи мерзла его белая, мятая рубашка.

— О, и, ещё, — Фрэнк как-то оживился. — Чуть не забыл! Как же я мог забыть об этом? Эвелин напруглась.

Фрэнк полез в карман, ещё свисавших со стула, брюк и достал ключи.

— Я думаю, ты уже знаешь о слежке всё и можешь спокойно приходить сюда сама.

— Ты уверен?

— Как ни в чем другом. Я буду рад тебе в любое время.

Тут он соврал. Он был уверен и в другом. Что хочет провести всю оставшуюся жизнь с этой женщиной, что готов уйти ради неё с работы, с которой обычно выносят ногами вперёд.

Опаздывал не только Фрэнк, но и дождь. Кажется, гром сегодня настолько не в настроении, что даже ливню страшно находиться рядом.

Фрэнк припарковал свой автомобиль у парадных дверей полицейского участка. Прямо рядом с двумя очень разозлёнными, спорящими констеблями. Они размахивали руками, иногда забывая о сигаретах между пальцами.

На детектива они даже не взглянули.

Фрэнк поднялся по ступенькам, потянул на себя тяжелую дверь и подпрыгнул от удивления. Прямо за дверью, в вестибюле с высокими потолками его ждал капитан. Он был рослым, крупным, уже седым, но без единой морщинки.

— Кроуфорд! Какого хрена ты опаздываешь?! Живо за мной.

И сразу же начал уходить. Мужчина попятился за ним.

— Прошу прощения, капитан Грант. Съел вчера что-то не то.

Слышал ли он Фрэнка — непонятно. Но не вдумывался — это точно.

Все коридоры и уголки здания заняли взъерошенные, обезумевшие стражи порядка. Все бежали куда-то со стопками бумаг, кто-то ронял шляпы, кто-то громко ругался на всё и всех.

Стоял невыносимый шум десятка пишущих машинок. Воздух в коридорах был наэлектризованным и застоявшимся. Он насквозь пропитался запахом мокрого сукна шинелей и пролитого подгоревшего кофе.

Фрэнк шёл за капитаном, чувствуя, как внутри всё сильнее разгоняется тупая, давящая боль. Бессонная ночь в объятиях Эвелин, которая ещё пару часов назад казалась благословением, теперь напоминала о себе свинцовой тяжестью в затылке. Тёмные круги под его глазами, казалось, стали ещё темнее, а бледная кожа горела от подступающей лихорадки. Ему отчаянно хотелось оказаться в раковине вместе с тем грязным перколятором. Главное подальше от этого человеческого улья и криков.

— Дай пройти, идиот! — мужчина, вышедший навстречу Фрэнку из угла, толкнул его в плечо.

В этом огромном здании, куда попадал каждый раз кто-то новый, обычно царила совсем другая атмосфера. Здесь должно было быть безопаснее, чем где-либо ещё. В этих стенах усмиряли всяких — их ставили на место так, что руки переставали слушаться даже от далёкой мысли притронуться к чему-то чужому.

— Что происходит? — Фрэнк догнал капитана.

Грант рявкнул:

— Ты лучше спроси, чего не происходит. У нас убийство на четвертой улице, пропажа человека, дебош и десять краж.

— На четвертой улице?

Фрэнк пытался вспомнить, где начинается и заканчивается четвертая улица.

— Да. Убийца сам сдался. Заявился в ближайший ресторан поздней ночью. Весь в крови и, да простит меня Бог, мясных ошмётках. Сейчас вот и допросим. Точнее, ты допросишь. Мне бы выпить валерьяны и немного полежать.

— Кого он убил?

— Не знаем. Убитого он раздел, лицо изуродовал, руки отрезал. Умники там сейчас всё обсыпают своей этой сажей.

— Раздел? Эт...

Детектива случайно утянула за собой толпа пробегающих ребят. Откуда ж они все взялись? В обычные дни все прячутся по комнатушкам, из-за чего даже создаётся ощущение нехватки кадров.

Фрэнк понял, что пытаться всех обходить — очень долгий процесс. Поэтому уже решил давать отпор, как раз силу своих рук и плеч проверить на практике.

— Убийца что-то знает о процессе расследования, — подытожил капитан, когда мужчина его догнал.

— Привлекался ранее?

— Думаешь, мы что-то да успели? Мы ни черта не успели, Кроуфорд. Даже имени его спросить.

Они остановились у толстой железной двери.

Капитан достал связку ключей и начал смотреть по сторонам.

В этот момент Фрэнка снова кто-то толкнул, прямо в стену.

На его «Ай!» Грант даже не обратил внимания.

— Откуда тут столько людей?!

— А. Так один участок подожгли ночью. Забыл об этом. Временно они здесь. Пока не отстроят новое здание.

— А чего бегут-то?

— У всех много работы. А знаешь, кто точно больше в жизни не побежит? — Грант открыл дверь в допросную без окон и пропустил детектива. — Вот этот урод.

В сырой маленькой комнате на стуле сидел весь избитый, в синяках, душегуб. Его кровь смешалась с кровью убитого, а под глазом расплылась большая капля «чернил».

— А Вы кто?

— Кроуфорд. Ведущий детектив.

— Славно. Можно уже побыстрее в тюрьму?

— Сначала ответите на мои вопросы.

Фрэнк сел перед мужчиной и достал карманный блокнот с огрызком карандаша. Кого-то он детективу напоминал. Его форма лица, вырез глаз, нос и даже губы.

— Как Вас зовут?

— Маркус Прайс.

Эви.

— Маркус? Прайс?

Фрэнк медленно, стараясь усмирить дрожь в пальцах, записал имя в пожелтевший бланк. Скрип карандаша по бумаге прозвучал как скрежет ножа по кости.

Она рассказывала, что у неё есть брат. И даже показывала его юношеское фото.

«- Хотелось бы мне вас познакомить. Может, хоть тебя бы он послушал. Я его правда люблю. И мне очень жаль, что мы не можем нормально общаться».

Она рассказывала это в подпольном баре Артура. Музыка в тот день почему-то играла грустная. Фрэнк даже не помнил, когда конкретно произошёл этот диалог.

Но он помнил, как поцеловал Эви в солёные, от слёз, губы. И сказал:

«- Как же я устал скрываться».

— Кто у вас есть из близких?

Он не хотел верить, что это брат его возлюбленной. Что с ней будет?

— Только сестра. Эвелин Прайс, она телефонистка вроде бы. А к чему вопрос? Думал, Вы мною интересоваться будете.

— Надо же знать, кому сообщать о Вашем зверстве.

— Хорошо. Передайте ей, что вскоре я стану чертовски знаменитым.

Маркус сплюнул потемневшую кровь на бетонный пол.

— Это ещё почему?

— Я — писатель.

«- Он у меня пишет книги. Кстати, хорошие. Но издательства его не берут, к сожалению. Я верю, что он талантлив, но ещё парочка рюмок — и от этой характеристики...»

Эви улыбалась, рассказывая какими сюжетами увлекается Маркус. Было видно, она очень гордится им.

— Мы не закончили. Я сейчас вернусь.

Фрэнк рванул на себя дверь и выскочил в коридор. Вокруг по-прежнему царил безумный рой из галдящих коллег, шуршали стопки бумаг. И всё это служило идеальным прикрытием. Можно было не скрывать свои чувства.

Он дошёл до конца коридора, упёрся ладонями в холодное, покрытое потёками грязного октябрьского дождя, стекло и судорожно выдохнул. В кармане его брюк глухо звякнули ключи. Точно такие же ключи, которые он всего пару часов назад с такой нежностью отдал Эвелин, надеясь, что сегодня она вернётся в его постель.

Что с ней теперь будет?

Фрэнк кинул обвиняющий взгляд на свой блестящий значок, закрепленный на пряжке ремня. У него нет выбора. Ему придётся передать имя убийцы начальству.

Он резко развернулся, на ходу поправил съехавший галстук и широкими шагами направился обратно к толстой железной двери.

Фрэнк с грохотом распахнул дверь, заставив Маркуса вздрогнуть на своём стуле, вошёл внутрь и тяжело опустился на скрипучий стул напротив Писателя.

— Ладно, Прайс, — ледяным тоном произнёс детектив, открывая блокнот и даже не глядя парню в глаза. — Вернёмся к нашему делу. Рассказывай всё с самого начала. Кого именно ты убил на четвёртой улице?

— Без понятия, — его плечи чуть поднялись — наверное, он хотел развести руками, но этому мешали железные браслеты.

Но он знал свою жертву. Он здоровался с ним почти каждый день. И однажды даже назвал ангелом.

Глава 2: Линия крови и линия связи

Это был худший допрос в его жизни. Имитация допроса. И Фрэнк ещё много часов будет гадать, это он плохо выполнил свою работу или Маркус самый настоящий безумец.

«- Зачем же Вы убили незнакомца?»

«- Захотелось. Я же сдался. Чего вам всем ещё надо?»

Фрэнк пулей влетел в кабинет капитана, чтобы доложить о дальнейших действиях:

— Его зовут Маркус Прайс. Я иду говорить с его родственницей.

И он уже развернулся, сделал три шага вперёд, как устрашающий лай капитана снова позвал к себе:

— Стой! Я отправлю кого-нибудь другого. Иди на место преступления и потом займись пропажей банкира Чарльза Фостера.

— Но...

— Никаких но! Живо выполняй приказ. А, и распорядись, чтобы этого урода перевели в тюрьму до заката. Сил моих нет.

Фрэнк спустился на улицу. Стоило ему выйти из дверей участка, как начался дождь. Он заигрывал с детективом ритмичным постукиванием по его шляпе, кажется, отчаянно хотел, чтобы Фрэнк поднял голову к небу и омыл лицо. Дождь пытался добраться до его глаз, намочить их, но он опоздал. По его бледным, осунувшимся щекам катились горькие, беззвучные слёзы. Он плакал. Впервые за очень, очень долгое время.

Эвелин уже несколько часов сидела на коммутаторе.

Здесь она была совсем другой. То ли свет на станции делал её лицо таким опухшим, то ли это волосы, собранные в тугий пучок совсем ей не подходили. Или всему виной ужасно скучный внешний вид — белая блузка и чертовски длинная, аж ноги путаются, тёмная прямая юбка.

Белые и красные лампочки вызовов на её секции вспыхивали так часто, что она едва успевала переводить рычажки, выдёргивать и втыкать толстые шнуры. День обещал быть суматошным.

— Центральная станция, — Эвелин заставила себя ласково улыбнуться в нагрудный микрофон, хотя лицо уже сводило от фальшивой вежливости. — Номер?

Здесь, среди бесконечных рядов латунных гнезд и гибких шнуров, она проводила шесть дней в неделю. Эту работу Эвелин нашла самостоятельно пару лет тому назад, выдержав уничижительный отбор из пятидесяти претенденток, где строгая комиссия оценивала чистоту её выговора, длину пальцев и благонадёжность покойных родителей. Да, от монотонного «Номер, пожалуйста... Соединяю... Линия занята...» — её порой подташнивало, а пальцы к вечеру ныли от тугих металлических штекеров. Но Эвелин искренне ценила и даже гордилась своим местом. Она сама оплачивала свою пусть очень маленькую, но уютную квартиру, сама копила деньги на новую одежду и мебель. И уже не стыдилась соседей за дебоши брата. А ещё — как же прекрасно было быть частью огромного, ревущего механизма. Всю связь в городе она, и другие девушки, держали в своих руках.

К ней подошла надсмотрщица в компании незнакомой миловидной девушки.

— Флоренс, замени Эвелин, — приказала грубая, неприятная старшая.

Сменщица безмолвно кивнула.

— Эвелин. За мной.

Эвелин не обратила внимания на грубость, потому что та была привычной частью её работы.

Девушка поднялась со стула и пригладила ладонями свою жёсткую тёмную юбку.

— Я же уже говорила, честное слово, мы с Кларой больше не подслушиваем, — оправдалась она.

— Замолкни. С тобой хочет говорить полиция. Посидим все в моём кабинете. Если хоть кто-то об этом узнает — клянусь, Эвелин, твои неприятности будут покрупнее, чем от проблемы с законом.

Проблема с законом?

— Но я ничего не сделала, мисс Гейбл.

Может, это Фрэнк настолько сошёл с ума от своих чувств, что нашёл причину явиться к ней на работу?

Мысли о том, что это может быть Фрэнк — хотя она знала его слишком хорошо — её подбадривали. Даже на щеках появился бледный румянец.

Они вышли из огромного операционного центра и свернули туда, где Эвелин раньше быть не приходилось — в длинный, очень тихий, узкий коридор с зелёными стенами.

Жесткие каблучки мисс Гейбл стучали с незнакомой решительностью. Каждый этот стук убивал надежду Эвелин, что ждёт её осмелевший Фрэнк.

«Может, просто произошла ошибка? С чего это сразу Фрэнк пришёл. Наверное, это ошибка, меня просто с кем-то перепутали».

Надсмотрщица остановилась у двери с матовой стеклянной вставкой, на которой чёрной краской было выведено: «Старший оператор смены». Она повернула круглую медную ручку и толкнула дверь на себя, пропуская Эвелин вперёд.

— Эвелин Прайс? — молодой мужчина встал со стула. — Я младший сержант Миллер. Нам надо поговорить о Вашем брате.

— Да, это я. Что случилось?

— Ваш брат убил человека.

Слова Миллера повисли в душном, пропитанном запахом лавандового парфюма мисс Гейбл, воздухе кабинета.

Надсмотрщица горько ахнула, положив обе руки на грудь. Она сжала пальцами свою блузку.

Эвелин замерла. Лучше бы это было реакцией на все разом перегоревшие сигнальные лампы. Или на Фрэнка с букетом цветов и фразой «Я сдал значок. И купил дом у моря».

— Этого не может быть, — Эвелин натянуто, почти неестественно улыбнулась. Она сделала шаг назад и столкнулась с дверью. — Вы точно ошиблись, сержант.

— Никакой ошибки, мисс.

— Маркус... да, он выпивает, он может покричать под окнами или ввязаться в драку. Но убить... Нет. Маркус не такой.

— Вы правы. Он не просто убил, он нанёс человеку сотню ножевых ранений, изуродовал его лицо и отрезал обе руки. А ещё раздел его, опустошил карманы. Знаете, почему?

— Пожалуйста, прекратите! — молила Эвелин.

Мисс Гейбл уже валялась на маленьком диванчике у стола.

— Он избавился от всего, что могло бы привести нас к личности убитого. И меньшее, что Вы можете сделать — это сказать, кого так сильно ненавидел Ваш брат.

— Прекратите!

— А что? — Миллер усмехнулся. — Думаешь, мы будем сильно церемониться с такими семьями, как твоя? Лучше расскажи всё сейчас, если не хочешь быть арестованной за препятствие следствию.

Глаза Эвелин намокли.

— Я ничего не знаю. Он только и приходил ко мне домой занять денег. Но я ни гроша не давала в последние месяцы! Может это был какой-то издатель, редактор... Кто-то, кто не принял его рукопись.

— Вы когда-нибудь были в полицейском участке?

— Что? Нет.

— Ну вот и не надо туда такой красивой и молодой девушке. Согласна?

Миллер взял её за руку и потянул в комнату. Он схватил её за плечи и усадил на стул. Далее сам же сел напротив.

— Рассказывай всё, что знаешь. Откуда у него были деньги на алкоголь? С кем он общался? Может убитый вообще твой бывший любовник?

Мисс Гейбл снова ахнула и сказала:

— Офицер, мы совершили ошибку, когда приняли её на работу. Но, пожалуйста, соблюдайте рамки приличия.

— Прошу прощения, мисс Гейбл. Учту.

— Я-я правда ничего не з-знаю, — Эвелин начала заикаться, она смотрела то на полицейского, то на надсмотрщицу.

— Успокойся, — Миллер погладил её по руке. — Мы вот сейчас две такие ручки ищем. Чьи они? Ты ведь всё знаешь. У Маркуса осталась только сестра. Работающая, незамужняя девушка.

— Из друзей у него был только Винсент — фамилии не помню. Может он давал ему денег? Прошу, поверьте, я с ним тесно не общаюсь!

— Как раз-таки женщинам я особо не доверяю.

— Так пусть со мной разговаривает другой детектив!

Мисс Гейбл не выдержала и вышла из комнатухи.

А Миллер начал громко смеяться. Он сдвинул её запястье в своём кулаке.

— Прекратите!

Он усилил хватку и прошептал:

— Все детективы не доверяют таким, как ты, стерва.

— Я сказала всё, что знаю!

— Я уже очень сильно от этого устал. Ты правда так хочешь загреметь в тюрьму? С кем из издательств он ругался?

— Почти со всеми, ведь все ему отказывали. Пожалуйста, отпустите мою руку. Мне больно.

— А, что? Мне кажется тебе больше пальчики не пригодятся. Как только я уйду отсюда — уйдёшь и ты, нет?

Эвелин уже не могла терпеть и казаться сильной. Она начала тихо хныкать, зажмурив глаза.

Миллеру это явно не понравилось, и он сжал её руку ещё сильнее. Он зарычал:

— Поверь, у меня одна цель. Чтобы все, в том числе и я, спали спокойно по ночам. Чтобы никто не боялся этого города и его обитателей. Чтобы такие, как ты и твой брат навсегда были стёрты с лица земли.

Эвелин задыхалась от возмущения. Она попыталась вырваться, но сержант перехватил её свободную руку. Его пальцы резко и больно впились в её подбородок, скидывая её голову вверх. Он заставил её смотреть прямо в свои стеклянные, лишённые всякого сочувствия глаза.

— Слушай меня сюда, Прайс, — прошипел он ей прямо в губы, обдавая зловонным дыханием. — Лучше иди пить или спать с очередным рабочим за цену хлеба. И попытайся после вспомнить то, что мне пригодится. Я вернусь. Я найду тебя. А если попытаешься сбежать из города или соврёшь мне хоть в одном слове — я лично запру тебя в самой вонючей камерой с кучкой убийц. Ты меня поняла?

Эвелин, преодолевая дикую боль в челюсти и судорожно сжимая зубы, чтобы не разрыдаться, едва заметно кивнула.

Миллер поднялся и брезгливо оттолкнул её лицо, отчего она едва не упала вместе со стулом. Он неторопливо опустил на голову свою серую мокрую шляпу, поправил воротник плаща и, даже не взглянув на девушку, зашагал к выходу. Дверь кабинета мисс Гейбл с глухим стуком захлопнулась за его спиной.

Воцарилась звенящая, мёртвая тишина. Эвелин медленно подняла дрожащую руку и прижала её к горящему, покрасневшему запястью, на котором уже отчётливо проступали багровые следы чужих пальцев. Из глаз наконец хлынули крупные слёзы.

С трудом поднявшись, Эвелин поправила рукава белой блузки и вышла из кабинета. Ей было плевать на мисс Гейбл, плевать на Центральную станцию и свою независимость. Всё, чего она хотела — это спрятаться там, где Миллер её даже не подумает искать.

Из-за ливня на улице не было ни души. И Эвелин нашла в этом не один плюс, а аж два. Ей так сильно хотелось принять душ и смыть с себя всё, в том числе и кожу, и кости, что, не думая вовсе, она отправилась пешком.

Через час, промокшая до ниточки под проливным октябрьским дождём, она дрожащими пальцами вставляла тяжёлый ключ в замочную скважину квартиры Фрэнка. Она зашла в тёмную, прохладную тишину его жилища, заперла засов на три оборота и бессильно скатилась по входной двери, кутаясь в мокрую блузку.

— Кроуфорд, ты чего тут забыл? — на месте преступления встретил один из лаборантов. — Мы уже сворачиваемся.

Фрэнк молча достал из кармана помятую пачку сигарет, чиркнул спичкой и глубоко затянулся. Дождь за пару часов успел расширить место преступления на несколько ярдов, размыл следы и унёс кровавые ручейки в водосточные решётки.

Позади детектива стояло несколько констеблей, охраняющих покой места преступления.

А само место лаборанты обгородили толстой верёвкой, которая под гнётом злой погоды, уже вся набухла и потеряла упругость.

Мертвец лежал прямо, руки без кистей — на груди, будто бы уже в гробу. Нашли его не на виду, а чуть поодаль, в узком, глухом переулке между двумя массивными кирпичными домами, в тупике, заваленном мусорными баками.

— Да вот отправили меня сюда. Есть что-то новое?

— Нет. Оружие — мясницкий нож. Руки тоже им отрубил.

— А убили его когда?

— Коронер ещё не в городе. Но думаю, что после убийства мужчина сразу же пошёл в ресторан. Кровь на нём была прям свежая.

— Отрезал руки и снял одежду. Кого же он убил? Не зря же так тщательно это скрывает. Сразу же пошёл сдался.

— Кроуфорд, не понимаю как ты можешь искать в этой работе так много смысла. Ясное же дело — безумец. Благо сдался и больше никого не тронул. По виду жертва — чистенький мужчина, бедствовать не приходилось. Скорее всего просто проходил мимо. Не думаю, что они были знакомы. Будешь осматриваться?

— Есть ли смысл?

— Нет.

Фрэнк докуривал, смотря, как лаборанты собирают арсенал своих инструментов и загружаются в машину, и думал: «Откуда у Маркуса взялся мясницкий нож?»

Его не покидали мысли об Эвелин. Он думал, как она, где она и кто из полиции к ней приходил. Одно он знал точно — она теперь безработная. И очень сильно надеялся, что она или у себя, или у него.

Припарковавшись у таксофона, он заскочил в будку и начал рыскать по карманам. Бросив первую монетку в приёмник аппарата, он приложил трубку к уху и попросил телефонистку соединить с домашним номером Эви.

Шуршание.

Телефонистка произнесла:

— Извините, сэр, этот номер более не обслуживается.

Фрэнк бросил ещё одну — последнюю — монетку. И на этот раз произнёс свой собственный номер.

— Соединяю.

Пока в трубке трещали долгие гудки, Фрэнк успел снова достать почку сигарет и закурить.

— Абонент не отвечает, сэр.

Он выглянул из телефонной будки. Дождь беспрерывно стучал по крышам, асфальту и стёклам автомобилей уже несколько часов.

Ни один вор, ни один убийца, не выйдет сейчас на улицу. Ибо на улице — никого.

И он очень надеялся, что Эви тоже не на улице.

Дождь чуть подустал, когда день начал клониться к вечеру.

Фрэнк заехал в участок, сообщил капитану о мясницком ноже и получил разрешение заняться этим вопросом. Правда, с маленькой оговоркой:

— Кроуфорд, учитывай, что есть дела поважнее этого убийства. Дай патрульным задание обойти мясные лавки в окрестных районах и всё. Не думаю, что у этой зацепки вообще есть смысл. Ну, украл он нож у мясника. Дальше-то что? Смертная казнь гарантирована. И оно к лучшему.

— С сестрой Прайса кто-то поговорил?

— Да. Миллер уже пишет отчёт. Такой недовольный вернулся.

Миллер. Фрэнка аж передёрнуло — его левое плечо чуть поднялось.

Все в участке прекрасно знали — он тот ещё псих, который верит в один способ разговоров — манипуляцию с рукоприкладством.

— Она ничего не сказала?

— Она говорит, что ничего не знает. Я думаю, отдать это дело Миллеру. Сам понимаешь, ему мало что можно доверить. Особенно после его поножовщины с подозреваемым. До сих пор подтираю его розовую задницу. Дерьмо прилипло так, что не отлепить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.